

Как появилась тайна усыновления

Стоит разобраться с традицией, откуда взялись стереотипы и представления, которые влияют на нас сегодня. Когда-то давно все было просто. Детей-сирот было много по причине высокой смертности родителей. Осиротевшего ребенка брали в дом родственники, реже соседи. Со статусом ребенка было все ясно: все знали, что ребенок – сирота. Только особые ситуации – например, угроза жизни ребенка, как наследника чьего-либо кровного врага – могли заставить скрывать от него и окружающих факт приемности. Мир менялся. Жизнь в городах больше не определялась традициями общины, заниматься судьбой детей-сирот стали другие инстанции – церковь, городские власти, государство. Появились «ничьи» сироты. Чаще это были дети родителей, обнищавших в городе и утративших связи с деревенской родней, либо дети родителей, осужденных за преступления. Так тема сиротства стала сплетаться с темой греха, стыда, вины. То, что раньше воспринималось как несчастье ребенка, злая доля, становилось клеймом, постыдной тайной, дурными корнями. Чаще сироты воспитывались в религиозных приютах и школах, и ханжества и презрения к их кровным родителям хватало. О них либо не говорили вовсе, либо их участием стыдили и пугали детей. Параллельно менялись и семьи. В городах люди стали жить отдельными – нуклеарными – семьями. Если раньше бездетная женщина могла удовлетворить свою потребность в материнстве, возясь с племянниками и прочими младшими родственниками, и при этом была уважаема, любима, то теперь эти возможности для нее сузились.

Также осложнилось и положение мужчины: раньше он приумножал своим трудом (или защищал с оружием) общее состояние большого семейного клана, и для него не так важно было оставить наследника, то теперь мужчина без детей не понимал, для чего он работает, кому оставит свое дело, опыт, состояние, дом. А если некому – тогда зачем все?

При этом бездетность, неспособность родить ребенка была бедой, знаком «неполноценности», нереализованности в мире, то есть вызывала стыд, чувство вины и уязвимости. Жизнь отдельными нуклеарными семьями у людей с традиционной системой ценностей эти чувства многократно усиливала. Вот на таком социальном и эмоциональном фоне проходило становление процедуры официального, государственного усыновления. С одной стороны – «позорные», «неправильные» дети, с другой – «неполноценные», «неправильные» семьи. Неудивительно, что из такого сплава и возникла идея сохранения тайны приема ребенка в семью. Если никто не будет знать, что ребенок усыновлен, можно жить «как все», быть «нормальными», не боясь осуждения и отчуждения в социуме. Так складывалось правило: лучше, чтобы никто ничего не знал.

Максимального развития этот подход достиг после Великой Отечественной войны, когда немало было детей как осиротевших, так и незаконнорожденных (в том числе от «врагов народа», в результате насильственных контактов). В истории нашей страны немало примеров, когда семьи были вынуждены что-то скрывать: свое происхождение из «не того» социального класса; свою национальность и религию; свое родство с «не теми людьми» (репрессированными или

иностранцами), факты из жизни родных, которые официально подавались как «постыдные» (пребывание в плену или на оккупированных территориях во время войны).

В СССР в Кодексе о браке и семье 1969 года была законодательно закреплена «тайна усыновления». Однако когда вырастали дети, на сохранение счастливого неведения которых родители тратили много сил, все оказалось не так радужно. Кто-то из них все же узнал правду, кто-то догадывался, кто-то всю жизнь чувствовал, что с ним «что-то не так». А нередко дети, в которых было вложено столько любви, в подростковом возрасте начинали копировать поведение кровных родителей, о которых ничего не знали. Таких случаев было достаточно много, и возникло стойкое впечатление: «Сколько волка ни корми...», «От осинки не родятся апельсинки», «Гены есть гены» и т.д.

Тогда специалисты задумались. Психологи К.Бейкер, Ю.Гиппенрейтер провели исследование «Влияние сталинских репрессий конца 30-х годов на жизнь семей в трех поколениях». Они выяснили чисто статистическими методами, что дети, искусственно отрезанные тайной от «не тех» родственников (репрессированных, иностранцев), особенно прямых – родителей, бабушек, дедушек – оказались менее благополучными в жизни. К зрелому возрасту они чаще болели, были в целом более несчастными в семейной жизни, не преуспели в самореализации, имели больше психологических проблем. Напротив, те дети, чьи родственники или приемные родители пошли на риск осложнения отношений с репрессивным государством, отказались врать детям об их родных и делать вид, что тех не существовало – были в конечном итоге, несмотря на некоторые сложности в молодости, более успешны, здоровы и счастливы. Конечно, когда речь шла о простом выживании семьи и детей, выбирать не приходилось, тайна была наименьшим злом. А вот когда хранить семейные тайны продолжали «по инерции», из соображений карьеры, выездов за рубеж, оказывалось, что последствия – себе дороже.

Семейные терапевты все еще работают с уже третьим-четвертым поколением людей, травмированных семейной тайной, страдающих от чувства «потери корней». Вот их типичные высказывания: «Словно я потерял и горюю, но не знаю, кого», «С моей семьей что-то не так, она не такая, как надо», «Я не могу быть счастливым со своими детьми, как будто все время смотрю не на них, а назад, в прошлое» и т.п. Очень часто потомки обретают душевный покой, только восстановив воспоминания о прабабушках-прадедушках, вынужденно вычеркнутых из семейной памяти и долгие годы запрещенных к упоминанию, поплавав над их найденными в дальнем углу чердака фотографиями или письмами.

Немало времени понадобилось, чтобы осознать все последствия сохранения тайны усыновления ребенка.